

I. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ. ТЕОРИЯ

УДК 356/359

© Ковалёв В.И., Малинецкий Г.Г., Матвиенко Ю.А.
Kovalev V., Malinetskii G., Matvienko Ju.

КОНЦЕПЦИЯ «СЕТЕЦЕНТРИЧЕСКОЙ» ВОЙНЫ ДЛЯ АРМИИ РОССИИ: «МНОЖИТЕЛЬ СИЛЫ» ИЛИ МЕНТАЛЬНАЯ ЛОВУШКА?

THE "NETWORK-CENTRIC WARFARE" CONCEPT FOR THE RUSSIANS ARMY: "MULTIPLIER FORCE" OR A MENTAL TRAP?

Аннотация. В статье рассматриваются основные положения концепции «сетевцентрической» войны, активно разрабатываемой в США, в основе которой лежит идея интеграции с использованием информационно-телекоммуникационных сетей средств разведки, автоматизации управления и средств поражения с целью повышения эффективности боевых действий. С учётом ожидаемых угроз военной безопасности, роли и места России в международной политике даётся оценка возможности и целесообразности использования концепции «сетевцентрической» войны в ходе модернизации и развития Вооружённых сил Российской Федерации.

Annotation. This article provides an outline of the concept of "network-centric" warfare, active development in the United States, which is based on the idea of intelligence, automation means and weapons integration on the basis of information and telecommunication networks in order to increase the efficiency of operations. With the expected threats to military security, the role and place of Russia in the international policy assesses the possibility and feasibility of the concept of "network-centric" warfare in the modernization and development of the Armed Forces of the Russian Federation.

Ключевые слова. Концепция, «сетевцентрическая» война, информационное превосходство, цикл управления, боевая платформа, сеть, угрозы военной безопасности.

Key words. Concept, "network-centric" warfare, information superiority, cycle control, combat platform, the network, the threat of military security.

Способы боевых действий определяются в большей степени характеристиками вооружения и военной техники, чем достижениями в военном искусстве.

NN

В последнее время при обсуждении характера войн будущего и способов ведения будущих войн в работах российских авторов самых различных направлений и школ довольно часто употребляются такие понятия, как «сетевцентричная», «сетевцентрическая», «сетевая» война, «сетевцентрические боевые действия», «сетевцентрические операции», «сетевцентрическое противодействие», «сетевцентрирование», «универсальные сетевцентрические средства» и т.д. и т.п., вплоть до «оборонитель-

ного сетевцентризма». При этом авторы порой вкладывают в эти понятия довольно разные смыслы и значения [4, 8-12, 17, 23, 24].

Для того, чтобы лучше разобраться во всех этих «сетевцентризмах», необходимо понять сущность концепции «сетевцентрической» войны, причины её появления и изначальный смысл, вложенный в неё авторами, ибо ещё Конфуций говорил, что «поняв смысл слов – многое прояснится». Именно о смысле понятия «сетевцентрическая» война, возможности и целесообразности применения концепции «сетевцентрической» войны к Вооружённым силам Российской Федерации и пойдёт речь в статье.

Ковалев Виктор Иванович – кандидат технических наук, ученый секретарь секции, АВН, тел. (495)543-36-76;
Малинецкий Георгий Геннадиевич – доктор физико-математических наук, заместитель директора по науке, Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН;
Матвиенко Юрий Андреевич – кандидат технических наук, профессор, АВН.

Kovalev Victor – Ph.D., scientific secretary of section, AMS, tel. (495) 543-36-76;
Malinetskii George – doctor of physical and mathematical sciences, deputy director of research, Institute of applied mathematics M.V. Keldysh RAS;
Matvienko Yuriy – candidate of engineering sciences, professor, AMS.

Смещение «центра тяжести» структуры вооружённых сил: от боевых платформ к телекоммуникационной сети

Самое первое, самое главное и самое важное в смысле последствий решение, которое должен принять государственный деятель и командир, – это определить тип войны, в которую он погружается ...

К. Клаузевиц

Как социальное и общественно-политическое явление война никуда не ушла из жизни человечества и в XXI веке; она не исчезает, не превращается в аномалию, а лишь трансформируется, утрачивая прежние и приобретая новые черты. Война по-прежнему остаётся для общества «отцом всего» (по Гераклиту), а для государства ещё и «путём жизни и смерти» (по Сунь-Цзы).

За прошедшую историю война не изменила своего внутреннего содержания: при всём многообразии теорий происхождения войны, она была и осталась борьбой за смену и перераспределение социальных ролей в ходе развития общества. Война сохранила неизменной и свою сущность – выявление управляющей воли путём именно вооружённой борьбы. Однако задача противоборствующих сторон состоит «не в том, чтобы просто физически ликвидировать врага в ходе вооружённой борьбы, а в уничтожении противника именно как претендента на роль, которую хотим выполнять мы, в том, чтобы перевести его посредством вооружённой борьбы в другую роль, дополняющую или заменяющую свою» [1].

В то же время в ходе общественного прогресса война претерпела немало изменений в форме и методах её ведения. Это обусловлено тем, что по меткому замечанию британского военного теоретика Кингстон-Макклори: «Самое сильное влияние на войну и на формы её ведения оказывает процесс совершенствования оружия как наступательного, так и оборонительного».

Исходя из этого, именно в процессе эволюции средств вооружения и военной техники и происходит смена парадигм вооружённой борьбы, если под парадигмой понимать «общепринятую модель действий и совокупность общих правил их реализации для достижения поставленной цели».

Очередная такая смена парадигм именно вооружённой борьбы произошла во второй половине XX века с появлением у ведущих мировых держав на вооружении ядерного оружия. Именно в то время к известным типам войн добавился новый – «ядерная» война или война с применением ядерного оружия и были разработаны формы и методы её ведения.

По нашему мнению, смена парадигм вооружённой борьбы определяется, с одной стороны, дистанцией,

на которой противники могут уничтожать друг друга, а с другой – количеством уничтожаемых врагов в единицу времени: от булавы и меча к копьё и луку, затем к огнестрельному оружию индивидуального применения и первой артиллерии, далее к оружию автоматическому, дальнобойной и реактивной артиллерии, авиации дальнего действия и, наконец, к ракетному оружию, сначала средней дальности, а затем и к межконтинентальным баллистическим ракетам, оснащённым ядерными боеприпасами. Иными словами, развитие вооружения шло в направлении от средств индивидуального поражения к средствам группового, а затем и массового поражения. Развитие же военной техники шло в направлении создания и совершенствования боевых платформ, коими по своей сути в древности являлись колесницы и боевые слоны, а нынче танки, бронетранспортёры, самолеты, корабли, подводные лодки и ракетные комплексы разного типа. Даже современный боец, вооружённый стрелковым оружием с запасом патронов, подствольным гранатомётом и ручными гранатами, имеющий средства наблюдения и связи для обмена информацией, по сути, также является боевой платформой с ограниченной огневой мощностью.

Массированные бомбардировки периода Второй мировой войны, атомные бомбардировки американцами японских городов Хиросимы и Нагасаки в августе 1945г., а позже «ковровое» бомбометание территории Вьетнама показали, что при определённых условиях война может быть дистанционной и бесконтактной.

Массовое создание во второй половине XX века наземных и морских комплексов межконтинентальных баллистических ракет с ядерными боеголовками, нацеленными на противника и управляемыми из высокозащищённых командных пунктов, позволило допустить возможность одним ракетно-ядерным ударом оперативно решить сразу все стратегические задачи войны, в отличие от сил общего назначения, не обладающих такой ударной мощностью в единицу времени, но несущих при этом большие потери в живой силе и технике.

Тем не менее безудержная гонка ядерных вооружений в 50-80-е годы XX века перевела мир в новое состояние. Карибский кризис и различные инциденты с ядерным оружием, его носителями и средствами их обнаружения, моделирование последствий обмена ракетно-ядерными ударами, в конце концов, привели к стратегическому паритету и осознанию руководством ведущих стран мира нецелесообразности широкомасштабной ядерной войны. Как отмечал военный историк Мартин ван Кревельд: «Как это ни парадоксально, самое мощное орудие ведения войны из когда-либо изобретённых

в наибольшей степени способствовало предотвращению или, по крайней мере, ограничению военных конфликтов между его обладателями» [7]. Произошла своеобразная «трансформация» войны: во второй половине XX века мир погрузился в эпоху локальных военных конфликтов, «мятежных» партизанских движений различного толка [3] и войн «малой интенсивности» [7], которые тем не менее не вылились в широкомасштабную войну между коалициями государств, имеющих в своих арсеналах ядерное оружие.

В то же время, наряду с гонкой ядерных вооружений как на Западе (в странах-членах НАТО), так и на Востоке (в данном случае – в странах Варшавского Договора) продолжалась и гонка обычных вооружений: происходило дальнейшее наращивание и совершенствование боевых платформ во всех трёх видах вооружённых сил – Сухопутных войсках, ВВС и ВМФ. Благодаря успехам в автоматизации широкое развитие получили так называемые разведывательно-ударные (РУК), разведывательно-огневые (РОК) комплексы, морские авианосные ударные группы, имевшие в своём составе различные программно-аппаратные средства для разведки целей, расчёта целеуказаний и автоматизированного или автоматического управления средствами поражения целей. Получило приоритетное развитие высокоточное оружие (ВТО), в том числе большой дальности. Крылатые ракеты воздушного, морского и наземного базирования по поражающему эффекту приблизились к оружию массового поражения, а их применение стало возможным из зон, находящихся вне досягаемости средств противодействия противника. Но для эффективного применения на поле боя РУК, РОК и ВТО необходимо было исключить дублирование целей, получать точные целеуказания в масштабе времени, близком к реальному.

С другой стороны, с началом космической эры, в период так называемой «холодной» войны интенсивное развитие получили технические средства разведки, в первую очередь космической. Спутники оптической, инфракрасной, радио- и радиотехнической разведки позволили вести непрерывное и всепогодное наблюдение за территорией противника, передавая разведанные на центры их обработки практически в реальном масштабе времени. Разного рода радиолокационные станции, в том числе наземные и воздушные станции дальнего радиолокационного обнаружения (ДРЛО) систем ПРО и ПВО, позволяли обнаруживать средства вооружения противника на больших расстояниях, в том числе за горизонтом.

Между тем время от момента получения разведанных, их последующей обработки, передачи органам

управления для дальнейшего расчёта и корректировки целеуказаний и до момента получения ударными средствами данных о целях было несопоставимо с ожидаемой динамикой боевых действий, как раз и обусловленной техническими возможностями нового вооружения и военной техники (ВВТ), в первую очередь скоростью перемещения в пространстве. Строго централизованный и иерархический путь прохождения развединформации о противнике практически сводил на нет потенциальные ударные возможности разного рода боевых платформ.

Одновременно с развитием ВВТ и средств разведки шло и развитие систем связи и управления войсками и оружием. Автоматизация всё шире стала проникать в армейские штабы и на командные пункты всех уровней.

В итоге военные специалисты столкнулись при решении задач управления войсками и оружием в новых условиях оперативной обстановки с целым рядом проблем и противоречий, основными из которых являются следующие [2]:

- наличие неполной, а иногда и неточной информации о противнике и зачастую о своих войсках и необходимость немедленного принятия решения, которое бы обеспечивало выполнение поставленной задачи в кратчайшие сроки и с минимально допустимыми потерями;
- большие объёмы получаемой и передаваемой информации на всех уровнях управления и низкая пропускная способность иерархических «стволовых» систем автоматизации управления и связи;
- необходимость жесткой централизации управления войсками и оружием (особенно ВТО большой дальности и разрушительной силы) и потребность в то же время предоставления подчинённым командирам наибольшей инициативы на местах (концепция «власть на край»);
- краткость формы приказа (боевого распоряжения) для его оперативного доведения до подчинённых сил и его содержание, которое должно точно отражать всю сложность обстановки и ясность боевых задач;
- определение приоритетности в выборе целей, а также средств и способов их поражения.

Таким образом, качественные и количественные изменения вооружения и военной техники для ведения обычной войны, средств разведки и наблюдения за противником, совершенствование средств автоматизации управления, связи и передачи данных, бурное развитие информационных технологий, в конце концов, привели на рубеже веков к осознанию необходимости изменения форм и методов управления вооружённой борьбой.

При этом в ходе войн малой интенсивности и вооружённых конфликтов возникла необходимость радио-

нального использования боевой мощи разного типа боевых платформ с обычным оружием, раскрытия всех их потенциальных возможностей. Наличие большого количества разнообразной информации о противнике и своих силах и средствах на разных уровнях также потребовало дальнейшего развития систем и средств сбора и хранения информации, её анализа, оценки и моделирования развития обстановки, подготовки руководству вариантов решений. Кроме того, для эффективного управления имеющимися силами и средствами потребовалась интеграция имеющихся разнородных АСУ войсками и оружием в единую систему управления и связи.

Успех в сражении уже должен был решаться не одним видом оружия: победа достигалась при слаженном взаимодействии всех видов и родов войск – флота, авиации, ракет средней и меньшей дальности, артиллерии, танков и пехоты [4-6]. Тем самым от действия различных боевых платформ на поле боя достигался своеобразный синергетический эффект.

Впервые идеи об объединении усилий средств разведки, автоматизации управления и огневого поражения для достижения поставленной цели были высказаны Маршалом Советского Союза Н.В. Огарковым в середине 80-х годов XX века. Однако лишь в конце 90-х годов идея объединения всех трех компонент – средств разведки и наблюдения, боевых платформ, средств автоматизации управления и связи в единую систему начала обретать свои очертания в вооружённых силах США [8, 9].

Ядром такой системы, новым «центром силы» стала телекоммуникационная сеть обмена данными, фактически образующая для потребителей единое информационное пространство, доступ к информации в котором регламентируется соответствующими полномочиями.

Таким образом, необходимость максимального использования возможностей всех имеющихся средств разведки и боевых платформ привела к переходу от «платформенной» модели управления войсками и оружием к «сетевой», получившей в итоге наименование Network Centric Warfare (NCW) – «сетевая концепция ведения войны» [11].

К сожалению, в российских средствах массовой информации английское понятие «warfare», которое в данном контексте более правильно следует переводить как способ «воевания», методы, приёмы ведения войны, стали несколько вульгарно переводить словом «война», что размывает и не в полной мере соответствует и сути рассматриваемого явления, и самому понятию «война» [26, 27]. Кроме того, словосочетание Network Centric стали переводить то сетевый, то сетевой, то сетевой,

то просто сетевой. На наш взгляд, наиболее правильно использовать термин «сетевой», по аналогии с астрономическим термином «гелиоцентрический», то есть когда нечто находится в центре чего-либо.

Вместе с тем, учитывая широкое распространение в русскоязычной переводной литературе таких словосочетаний, как информационная война, психологическая война и т.д., авторы в статье используют словосочетание «сетевая» война (СЦВ), как это принято в работах [7, 8], понимая под ним не новые специфические способы и формы ведения войны, а лишь способ интеграции технических средств разведки, автоматизации управления и огневого поражения посредством информационно-телекоммуникационных сетей связи и передачи данных в целях повышения эффективности ведения боевых действий путём согласования и координации действий имеющихся сил и средств на основе единого информационного пространства.

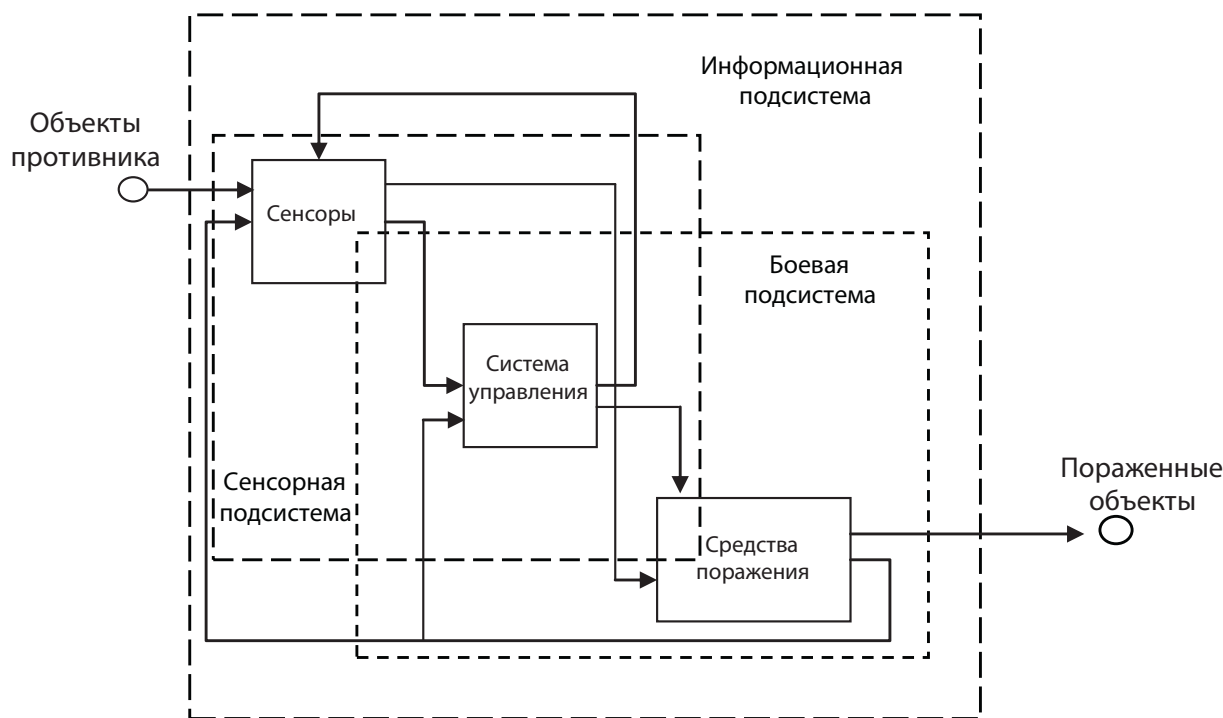
Сам термин «сетевая» впервые появился в американской компьютерной индустрии и стал результатом прорыва в информационных технологиях, которые позволили организовать взаимодействие между компьютерами, даже несмотря на использование в них разных операционных систем. Позднее идея сетевого и была взята на вооружение специалистами армии США. Так, идеологи новой концепции – вице-адмирал ВМФ США Артур Цебровский и эксперт Министерства обороны США Джон Гарстка – отмечали, что концепция «сетевой» – это не только развертывание цифровых сетей с целью обеспечения как вертикальной, так и горизонтальной интеграции всех участников боевой операции. Это еще и изменение тактики действия перспективных формирований с рассредоточенными боевыми порядками, оптимизация способов разведывательной деятельности, упрощение процедур согласования и координации огневого поражения, а также некоторое нивелирование разграничения средств по звеньям управления [9].

По своей сути «сетевая» война – это ориентированная на достижение информационного превосходства концепция организации управления действиями группировок войск (сил), предусматривающая увеличение их боевой мощи за счет создания единой информационно-коммуникационной сети, связывающей датчики (источники данных), лиц, принимающих решения, и исполнителей, что обеспечивает доведение до участников действий необходимой информации об обстановке, ускорении процесса управления силами и средствами и повышении вследствие этого темпов операций и эффективности поражения противника [8]. Как

говорил непобедимый генералиссимус Русской армии А.В. Суворов: «Одна минута решает исход баталии, один час – успех кампании, один день – судьбы империй ... Я действую не часами, а минутами».

По мнению разработчиков концепции, «сетевая» способ ведения боевых действий позволяет также перейти от войны на истощение к более скоротечной и более эффективной форме ведения вооружённой борьбы, для которой характерны быстрота управления и принцип самосинхронизации, то есть способность военной структуры самоорганизовываться снизу, не дожидаясь указаний сверху [17].

В концептуально-теоретическом плане модель «сетевая» войны представляют как систему, состоящую из трех подсистем (см. рисунок), имеющих структуру решетки: информационной подсистемы, сенсорной (разведывательной) подсистемы, боевой подсистемы (подсистемы отдельных тактических подразделений и боевого управления) [2].

Обобщённая модель концепции «сетевая» войны

Основой системы считается первая подсистема, на которую накладываются вторая и третья подсистемы. Элементами второй подсистемы являются силы и средства разведки, а третьей – средства поражения, боевая техника и личный состав отдельных тактических подразделений, объединенные органами управления и командования.

«Сетевая» война, по мнению авторов концепции, может охватывать все уровни управления, а принципы ее ведения не зависят от географического ре-

гиона, боевых задач, состава и структуры вооруженных сил. Сами же вооружённые силы в этом случае представляют собой разветвлённую сеть хорошо информированных, но географически распределённых сил.

При применении концепции «сетевая» война информация будет поступать не от отдельных «платформ» (боевой техники, средств разведки, наблюдательных постов, групп разведки, вертолетов, авиации, космических аппаратов и др.), а из информационной сферы, тесно связанной с двумя другими сферами (физической и когнитивной), создающими вместе сферу «сетевая» войны. При этом физическая сфера – это «место развития ситуации, на которую оказывается военное влияние». В ней (на суше, воде, в воздухе и космосе) разворачиваются военные действия и действуют «физические платформы», соединенные «коммуникационными» сетями. Когнитивная (рационально-ментальная) сфера складывается в умах участников конфликта и характеризуется, с одной стороны, такими понятиями, как

представление, осознание, понимание, убеждения, ценности, а с другой – процессом принятия решений. К этой же сфере относится: лидерство, моральное состояние, сплоченность, уровень подготовки и боевого опыта, общественное мнение, мыслительные процессы командиров, способы принятия решений, интеллект и эрудиция.

Под информационной сферой понимается сфера, в которой происходит обмен информацией, передача решений командира, осуществляется контроль и управ-

ление войсками. В ней формируются и накапливаются знания, представления о физической сфере; она отражает ее в виртуальной реальности. В борьбе за информационное превосходство она является «основополагающим плацдармом». «Скорость командования является процессом, при котором позиция информационного превосходства превращается в конкурентное преимущество» [9]. При этом разработчики этой теории считают, что информационное превосходство характеризует состояние информационной сферы, когда одна из сторон получает «превосходящие информационные позиции».

В качестве модели боевых действий, иллюстрирующей процесс достижения в ходе «сетцентрической» войны информационного превосходства над противником, за рубежом широко используют понятие «цикл управления». В последнее время в качестве такого цикла используется основной элемент теории, разработанной полковником ВВС США Джоном Бойдом и его последователями – так называемая петля OODA (Observe (наблюдай) – Orient (ориентируйся) – Decide (решай) – Act (действуй)) [29].

В русском переводе петля OODA или цикл Бойда соответственно имеет аббревиатуру НОРД (наблюдение – ориентация – решение – действие).

Указанная модель предполагает многократное повторение петли НОРД в процессе боевых действий, которые, как правило, развиваются по спирали и на каждом этапе той спирали осуществляется взаимодействие с внешней средой и воздействие на противника.

Модель обычно относят к разряду кибернетических, так как в ней реализуется принцип «обратной связи», в соответствии с которым часть выхода из системы снова подаётся на её вход, чтобы уточнить, а если требуется, и скорректировать развитие системы на последующих этапах.

Рассмотрим более подробно сущность основных элементов модели боевых действий на основе циклов Бойда [29].

Под наблюдением (observation) понимается процесс сбора информации, необходимой для принятия решения в данном конкретном случае. Необходимая информация может быть получена как от внешних, так и от внутренних источников. Под внутренними источниками информации понимаются элементы обратной связи петли. В качестве внешних используются датчики (сенсоры), а также другие каналы получения информации.

Ориентация (orientation) – наиболее ответственный и наиболее сложный с когнитивной точки зрения этап во всём цикле НОРД. Он состоит из двух подэтапов:

разрушения (destruction) и созидания (creation). Разрушение предполагает разбиение ситуации на мелкие элементарные части, которые более легки для понимания. Затем после уяснения эти элементарные части (подпланы) объединяются в общий план действий, что и соответствует подэтапу «созидание».

Принятие решения (decision) – третий этап цикла НОРД. Если к этому этапу командир или иное лицо, принимающее решение (ЛПР), смогло сформировать только один реальный план, то попросту принимается решение – выполнять этот план или нет. Если же сформированы несколько альтернативных вариантов действий, то ЛПР на данном этапе осуществляет выбор наилучшего из них для последующей реализации. Выбор наилучшего плана может осуществляться по критерию «эффективность-стоимость». В то же время в условиях лимита времени наиболее предпочтителен план, отвечающий требованиям быстроты и надёжности.

Действие (action) – заключительный этап цикла, предполагающий практическую реализацию избранного курса действий или плана. Действие предполагает выдачу приказа или указания, физическую атаку, активную защиту, перемещение в пространстве или управление датчиками с целью улучшения наблюдения в следующем боевом цикле.

Следует иметь в виду, что существуют два основных способа достижения конкурентных преимуществ при осуществлении различных видов профессиональной, в том числе и военной деятельности.

Первый путь – сделать в количественном измерении свои циклы действий более быстрыми по сравнению с противником. Это позволит вам действовать первым номером и вынудит вашего противника реагировать уже на ваши действия. В итоге вы оказываетесь «внутри» цикла НОРД противника, овладевая ситуацией и достигая тем самым информационного превосходства.

Второй путь – улучшить качество принимаемых вами решений, то есть принимать решения, в большей степени соответствующие складывающейся ситуации, чем решения вашего противника. Более качественные решения могут привести к более предпочтительным результатам, нежели быстрые, но неадекватные или плохо просчитанные действия.

В обоих случаях ускорение процесса принятия решений может привести к двум видам эффектов [29].

Первый эффект по своей природе имеет чисто наступательный характер: вы можете просто начать осуществлять свой план первым и тем самым вызвать изменения в обстановке прежде, чем начнёт действовать ваш

противник. Преимущество первого удара находит своё воплощение в простой формуле, о которой практически никогда не забывают американские военные аналитики, – вы можете убить противника прежде, чем он начнёт стрелять.

Второй эффект от ускорения собственного цикла НОРД носит оборонительный характер: человек или организация с преимуществом в скорости цикла действий способны в ряде случаев просто избежать поражающего или вредоносного воздействия со стороны своего противника. Другими словами, вы можете стать «несотрудничающей целью» (a non-cooperative target) путём создания несоответствия ожиданиям атакующего противника. Состояние несоответствия ожиданиям противника наблюдается, например, в том случае, когда вы перемещаетесь из заданной точки пространства, в которой вас зафиксировал атакующий противник, в другую позицию, где вы не должны находиться по типовым планам противника. Качественное улучшение цикла НОРД в данном случае означает, что качество принимаемых вами решений будет лучше, чем у вашего противника.

С учётом указанных соображений на каждом шаге цикла управления необходимо стремиться к постепенному получению качественных и количественных улучшений.

В то же время есть ещё и третий путь – действуя на противника различными способами искусственно замедлять его цикл управления. В этом случае вы также попадаете «внутрь» цикла НОРД противника со всеми вытекающими для себя преимуществами.

Если с позиций модели боевых действий на основе циклов управления взглянуть на концепцию «сетевидной» войны, то станет понятным, почему потребовалось соединить между собой средства разведки, автоматизации управления и огневого поражения единой информационно-телекоммуникационной сетью: это обеспечивает увеличение темпа действий цикла НОРД за счет сокращения продолжительности этапов наблюдения и ориентации. Суммарная эффективность образуемой на основе установления связей «системы систем» (system of systems) определяется фазами принятия решений и действий. Кроме того, из четырех этапов цикла НОРД три непосредственно связаны с обработкой информации и с компьютерными технологиями. Четвертый этап (Action – действие) носит в целом «кинематический» характер и связан с перемещением в пространстве, защитой и поражением противника на основе огневой мощи.

В самом общем виде «сетевидная» война предусматривает следующие четыре основные фазы ве-

дения боевых действий [12]:

1. Достижение информационного превосходства посредством опережающего уничтожения (вывода из строя, подавления) системы разведывательно-информационного обеспечения противника (сенсоров, сетевых узлов, центров обработки информации и управления).

2. Завоевание превосходства (господства) в воздухе за счет подавления (уничтожения) системы ПВО противника на ТВД.

3. Последовательное уничтожение (в англоязычных источниках – так называемая "цепь убийств" (kill chain)) оставшихся без управления и информации средств поражения противника, в первую очередь ракетных комплексов, авиации, реактивной и ствольной артиллерии, бронетехники.

4. Окончательное подавление или уничтожение очагов сопротивления противника.

Собственно ведение боевых действий на основе «сетевидной» модели осуществляется следующим образом.

По результатам анализа и обобщения информации о противнике, полученной от различных средств разведки и предупреждения по каналам различной физической природы, а также информации о наличии и состоянии боеготовности своих средств поражения, органами управления в рамках их компетенции принимается решение, обеспечивающее наиболее эффективное выполнение поставленных им задач путём рационального распределения имеющихся «боевых платформ» по обнаруженным целям. Данное решение оформляется в виде соответствующих приказов и распоряжений и доводится до подключённых к сети соответствующих сил и средств поражения, которые собственно и выполняют боевую задачу в физическом пространстве.

Доступ к разведывательной информации о состоянии сил и средств поражения осуществляется органами управления соответствующего ранга децентрализованно в рамках их полномочий в иерархии вооружённых сил.

В случае если обнаруженную в зоне ответственности цель невозможно поразить в рамках имеющихся боевых средств, информация об этом доводится по сети до вышестоящего органа управления, в распоряжении которого находится более мощная группировка «боевых платформ». И уже вышестоящий орган управления организует уничтожение такой цели.

Таким образом, концепция «сетевидной» войны предусматривает комплексное ведение боевых

действий всеми видами и родами вооруженных сил на основе преимуществ, которые дает использование «единого информационно-коммуникационного пространства» в динамике боевых действий.

По своей сути она является не оперативной концепцией (формой ведения военных действий объединенными силами), а функциональной (способом управления объединенными силами). Иными словами, концепция «сетевидности» не может определять формы и виды ведения боевых действий, а представляет собой лишь новую систему взглядов на управление вооруженными силами и боевыми средствами, ориентированную на достижение информационного превосходства над противником и предусматривающую увеличение их боевого потенциала за счет создания единой информационно-коммуникационной сети, связывающей датчики (источники данных), лиц, принимающих решения и исполнителей (средства поражения), а не за счёт простого количественного наращивания боевых средств («платформ»), как это было принято при организации боевых действий до настоящего времени.

То есть при реализации «сетевидного» способа управления группировками войск, в отличие от «платформенного», боевые средства («платформы») и «центры управления» не исчезают, а лишь объединяются в интегрированную информационно-управляющую компьютерную систему, что позволяет им функционировать в синергетическом режиме и иметь много степеней свободы.

Непрерывный поток информации от распределенных средств разведки в рамках единой интегрированной информационной сферы, функционирующей в реальном масштабе времени, позволяет значительно увеличить степень ситуационной боеготовности вооруженных сил, минимизировать неопределенность обстановки, ускорить процесс принятия решения и увеличить темпы операций.

Исходя из этого, концепция «сетевидной» войны, как система взглядов на управление вооруженными силами и боевыми средствами в ходе вооруженной борьбы, была включена в такую активно практикуемую в последнее время США и их союзниками для достижения своих интересов форму борьбы, как концепция нацеленности на конечный результат или эффект – «Effects-Based Approach to joint Operations» [2, 12, 14-18].

Данная концепция базируется на представлении противника как некой многоуровневой системы, модель которой для простоты изображается в виде ряда концентрических окружностей с национальными лидерами в

центре [9]. В модели, названной авторами «враг как система», вооруженные силы страны составляют внешнее, самое последнее кольцо, предназначенное для защиты всей системы от силового воздействия армии противника. При этом каждая такая окружность – это своеобразный центр тяжести (силы). Прочность «врага как системы» определяется уравновешенностью всех таких центров соответствующей государственной политикой.

При таком подходе, по мнению стратегов США, оказывая различными способами давление не только на внешнее кольцо (армию), как это практиковалось ранее, а и на другие центры силы, можно заставить противника действовать именно так, как задумано, что в итоге приведет к нужному эффекту – его поражению.

При этом под эффектом в армии США понимают «физический, функциональный или психологический результат, событие или то, что является результатом конкретных военных и невоенных действий» [8]. В этом случае «операция на основе эффектов» – это процесс, направленный на получение желаемых стратегических результатов или эффект, оказываемый на врага посредством синергетического, мультипликативного и кумулятивного применения полного спектра военных и невоенных возможностей на всех уровнях, от тактического до стратегического [2].

Примерно такой же взгляд на ведение современной войны присущ и специалистам китайских вооруженных сил.

Так, ещё в 1999г. в Китае вышла книга офицеров НОАК, которая была опубликована в США под названием «Искусство воевать без правил» с подзаголовком «китайский план разрушения Америки». В ней широко представлены невоенные методы ведения боевых действий для достижения победы: финансовые, торговые, ресурсные, экономические, медийные, идеологические и т.д.

По взглядам китайских военных специалистов, «в то время как одна страна готовится к войне, используя всю мощь современного оружия, другая страна в это время аккумулирует финансовые ресурсы, дестабилизирует обстановку на бирже во вражеской стране, распространяет всевозможные слухи, наносит точечные невоенные удары по жизненно важным узлам противника, устраняет ключевые фигуры в экономическом, оборонном и политическом секторах врага, контрабандой завозит и вбрасывает в оборот крупные суммы в валюте противника, заражает водоёмы и посева, организует выступление оппозиции и т.д. В итоге вспыхивает паника, общественные институты противника дестабилизированы, возникают массовые беспорядки, мародёрство и прочие преле-

сти реальной войны. Только затем наносится демонстрационный военный удар и формально объявляется война. Потерпевшей стороне ничего не остаётся, кроме как заключить мир на позорных условиях» [33].

Однако следует иметь в виду, что описанный выше тип операций также не является новым классом военных операций, а представляет собой интегрированное применение всего арсенала государственных, экономических, военных и дипломатических средств и процедур по отношению к противоборствующей стороне при обеспечении тесного взаимодействия с государствами-союзниками.

Таким образом, анализ концепции «сетевцентрической» войны показывает, что её главное содержание лежит не в новых формах и способах ведения боевых действий, а в изменении принципов управления войсками и оружием в обычном оснащении. Следовательно, говорить о «сетевцентрической» войне как о новой парадигме вооружённой борьбы с точки зрения военной науки недостаточно корректно.

В то же время именно как новый способ организации управления войсками и оружием, как реальный инструмент повышения боевых возможностей разнородных сил и средств за счёт синергетического эффекта он заслуживает самого пристального внимания и изучения специалистами.

Концепция «сетевцентрической» войны: русский взгляд

Смотрите на мир без очков и шор,
Глазами жадными цапайте
Всё то, что у вашей земли хорошо
И что хорошо на Западе.

В.В. Маяковский

Система управления войсками и оружием по своей сути – это производная от их состава и структуры. А состав и структуру любой организации, будь то коммерческая фирма или вооружённые силы, определяет стратегия её действий при достижении поставленных целей.

В свою очередь, выбор стратегии применения вооружённых сил определяется возможными военными угрозами и военными опасностями для государства, что закрепляется в соответствующих руководящих документах, в том числе и в Военной доктрине [30, 31], которая представляет собой систему официально принятых в государстве взглядов на подготовку к вооружённой защите и вооружённую защиту страны.

Так, для ВС РФ основной стратегической задачей в военное время является «отражение агрессии против Рос-

сийской Федерации и её союзников, нанесение поражения войскам (силам) агрессора, принуждение его к прекращению военных действий на условиях, отвечающих интересам Российской Федерации и её союзников» [30]. Поэтому, прежде чем рассматривать возможность реализации в Вооружённых силах Российской Федерации концепции «сетевцентрической» войны, необходимо понять характер и масштабы военных опасностей и угроз для нашей страны в первой четверти XXI века, оценить вероятность и масштабы возможной агрессии.

Основной характер угроз для России определяется её географическим положением и наличием всего спектра природных ресурсов.

Так, ещё в 30-е годы прошлого века известный английский географ и один из отцов-основателей геополитики Джордж Маккиндер выдвинул теорию, что внутреннему пространству Евразийского континента или Хартленду (от англ. Heartland - сердце, душа Земли) принадлежит роль ключевого региона в глобальных мировых процессах. «Кто главенствует в Хартленде, рано или поздно будет доминировать в мире» [25].

Попыткой овладения «сердцем Земли» геополитика объясняет и гитлеровскую агрессию против СССР в 1941г., и начало новой партии «геополитических шахмат», которую со времен распада СССР в 90-е годы XX века ведут на «Великой шахматной доске» США и их союзники [14–16].

В частности, известный американский политик и русофоб Збигнев Бжезинский в 1993г. в своей книге «Вне контроля» прямо заявил следующее: «Развал Советского Союза превратил «Хартленд» Евразии в геополитический вакуум... Распад СССР не только создал возможность для потенциального проникновения американского влияния в евразийский вакуум, в особенности путем консолидации геополитической разрозненности бывшего пространства СССР, но и имеет решающие геополитические последствия на юго-западной окраине Евразии. Ближний Восток и Персидский залив уже трансформированы в область исключительного американского силового преобладания. И это положение является исторически уникальным» [35].

Ещё более «исторически уникальным» стало положение США после оккупации Ирака, ввода войск НАТО во главе с США в Афганистан, создания и сохранения за собой авиабазы в Киргизии.

Таким образом, не только на Западе, но и частично на её южных рубежах России противостоят самые современные вооружённые силы – армии США и других стран-членов НАТО, активно реализующие у себя поло-

жения концепции «сетевцентрической» войны.

При этом основные предприятия ОПК, способные обеспечить воспроизводство оружия и боевой техники в случае длительной войны, находятся на территории США, а запасы вооружения, военной техники, ГСМ и продовольствия на начальный период военных действий разбросаны по многочисленным военным базам по всему миру. Следует также иметь в виду, что США обладают колоссальным опытом переброски и снабжения больших масс войск ещё со времён Второй мировой войны, соответствующие организационные структуры и материально-технические средства.

Дополнительную угрозу на юге России создают исламистские группировки Северного Кавказа, ведущие на религиозной почве «мятежевойну» в основном с использованием стрелкового оружия и диверсионно-террористических методов. Снабжение оружием незаконных вооружённых формирований, действующих на территории России, и их финансовая поддержка, идут в основном из стран Ближнего Востока и Персидского залива [10, 19]. Тем не менее ситуация на южном направлении может обостриться в случае радикализации исламских режимов в ряде стран Ближнего и Среднего Востока, мечтающих о возрождении Второго Халифата. Военная угроза в этом случае может стать для России значительной, так как, например, Турция и Иран имеют довольно мощные вооружённые силы, а страны Арабского мира и Пакистан являются постоянными крупными покупателями на рынке современного оружия.

На Дальнем Востоке военная опасность для России начинает исходить от Китая. И это обусловлено следующим. По многим макроэкономическим показателям Китай вышел, несмотря на кризис, на второе после США место в мировой экономике. А стремительный рост экономической и, как прямое следствие, – военной мощи Поднебесной означает, что необходимые ей природные богатства и территории она не прочь брать силой, о чем в Пекине заговорили уже практически открыто на достаточно высоком уровне [32]. Виной тому – бурный рост экономики Поднебесной: дело не в какой-то особой агрессивности Китая, а в том, что экспансия для него – вопрос выживания его экстенсивной модели экономики. Как говорят сами китайцы: «Тигр ест людей не потому, что он злой, а потому, что голоден». Что касается вектора экспансии Китая, то после потери своих позиций в Африке и на Среднем Востоке у Поднебесной остаётся одно направление – север, то есть Сибирь и Дальний Восток [22]. Тем более, что подобный сценарий развития событий уже прописан у Китая в его доктрине "три севера, че-

тыре моря", принятой Военным советом ЦК КПК ещё в 1993 году.

Китаеведы отмечают, что по этой зашифрованной от понимания иностранцев доктрине, занятый Китаем центр по закону перемен к 2019 году одолеет "три севера в пределах четырех морей" и тогда "XXI век станет веком Китая". А три севера – это Североатлантический альянс, Россия как север Евразии и Североамериканские Соединенные Штаты в Новом Свете.

Оценивая возможность перехода «китайской опасности» в «китайскую угрозу», следует учитывать, что Китай имеет колоссальные людские ресурсы, активно ведет перевооружение своей армии на новые средства ведения крупномасштабной войны, вплоть до применения ядерного оружия. Осваивает китайская армия и новые формы и методы ведения войны – психологические и информационные операции, а также управление войсками на основе «сетевцентрической» модели боевых действий. При этом основные предприятия ОПК Китая находятся в глубине его территории и их поражение в случае войны возможно только с использованием стратегического оружия.

Возрастанием китайской военной мощи озабочены не только в России. Сами основоположники концепции «сетевцентрической» войны также пристально и довольно ревностно следят за инициативами своих зарубежных коллег и оппонентов. Например, еще в 2006 г. американские эксперты указывали, что реализация «сетевцентрической» концепции в Китае вызывает у них серьезную озабоченность. «Неважно, как скопируют и адаптируют под свои нужды в Китае наш бренд «сетевцентрическая война», важно, что они в разы повысят инвестиции в разработку перспективных средств разведки и высокоточного оружия», – отмечают в США. «Итогом однозначно станет технологический прорыв, который обеспечит китайцам необходимый уровень ситуационной осведомленности и понимания обстановки на поле боя. То есть американские группировки будут вскрыты, а это (при наличии необходимых средств высокоточного оружия дальнего действия) равносильно их поражению» [8].

Что в складывающейся ситуации может предпринять Россия?

Когда-то давным-давно китайским полководцем Сунь-Цзы было сформулировано «правило ведения войны», которое заключается в том, чтобы «не полагаться на то, что противник не придёт, а полагаться на то, с чем можно его встретить; не полагаться на то, что он не нападёт, а полагаться на то, чтобы сделать нападение на себя невозможным для него».

На наш взгляд, чтобы «разрушить замыслы противника» о нападении, наиболее приемлемым вариантом развития страны должна стать не банальная гонка за мировыми лидерами («модернизация») в надежде «догнать и перегнать», а переход в новую геополитическую роль, которая и станет локомотивом развития всей российской экономики, а также сделает Россию как раз той самой «несотрудничающей целью», нарушив тем самым цикл НОРД своих геополитических соперников.

В частности, теория борьбы условных информационных определяет в качестве одного из базовых состояний геополитическую ситуацию «объединение слабых вокруг сильного». Применительно к рассматриваемому вопросу это может быть объединение сырьевых стран вокруг России или предоставление ряду стран, опасющихся за сохранение своей идентичности и независимости, «ядерного зонтика» для защиты от угрозы агрессии.

Для развитых же стран, в первую очередь США, такое развитие событий – крах всего выстраиваемого ими миропорядка. По нашему мнению, недопущение перехода России в новую геополитическую роль – это концептуальная основа всей международной политики Западного мира в отношении РФ и её союзников на протяжении последних двадцати лет.

На наш взгляд, руководство страны понимает необходимость идти по пути именно смены геополитической роли. Свидетельство тому – предложение о строительстве Таможенного союза и Единого экономического пространства с дальнейшим выходом на следующий, более высокий уровень интеграции, - формирование в перспективе Евразийского экономического союза. «Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом... Евразийский союз — это открытый проект. Мы приветствуем присоединение к нему других партнеров, и прежде всего стран Содружества», – написал в своей статье в газете «Известия» В.В. Путин [34].

Именно исходя из новой заявленной роли и должен формироваться «новый облик» Российской армии, вестись строительство Вооружённых сил Российской Федерации, модернизация и развитие оборонно-промышленного комплекса, совершенствование военного образования и науки.

При этом в ходе строительства «армии нового типа» следует использовать не просто новые концепции и взгляды, а решения, наиболее подходящие к российским реалиям и технологическому укладу.

Нельзя снова наступить на старые грабли и попасть в ментальную ловушку «гонки вооружений» по типу соперничества СССР и США второй половины XX века, когда на каждую новую американскую систему вооружения мы тут же отвечали аналогичной советской, порой не задумываясь о её целесообразности и боевой эффективности. Россия не должна разделить печальной участи СССР.

Поэтому оценивая возможность реализации концепции «сетевидной» войны применительно к системе управления Вооружённых сил Российской Федерации, необходимо, помимо широко разрекламированных преимуществ «сетевидного» способа управления войсками и оружием, остановиться и на его недостатках, а также связанных с его реализацией проблемах, ибо «сетевидность» нельзя рассматривать как панацею для решения всех проблем вооружённых сил на современном этапе.

В частности, следует принимать во внимание, что все до сих пор проводимые США и НАТО боевые операции с использованием концепции «сетевидной» войны осуществлялись против заведомо слабого противника, не имеющего на вооружении современных средств разведки, в первую очередь спутниковых, мощных средств поражения, в том числе и ВТО большой дальности, а также современных средств автоматизации управления и связи.

Так, по мнению президента Академии военных наук России Махмута Гареева: «С точки зрения развития военного искусства опыт войны в Ираке не позволяет сделать какие-либо далеко идущие выводы, поскольку серьезной войны с сильным противником не было. Была расправа политически изолированного и технологически мощного государства над заведомо ослабленной во всех отношениях страной».

По мнению российских специалистов, практическая реализация концепции «сетевидной» войны невозможна без эффективного решения вопросов создания трех ключевых компонент [12]:

1. Сверхнадежной (в англоязычных источниках - *ultrareliable*) коммуникационной среды, обеспечивающей эффективное функционирование на ее основе компьютерных сетей вооруженных формирований и их объединение в глобальную информационную сеть вооруженных сил.

2. Распределенной в пространстве группировки управляемых, достаточно информативных, надежных, долговечных и малозаметных для противника сенсоров, комплексированных в компьютерные сети вооруженных формирований.

3. Распределенной программной среды, обеспечивающей в жестком реальном времени комплексную многоуровневую интеллектуальную обработку потоков малоинформативных в отдельности (а зачастую еще и противоречивых) первичных сведений о проявлениях объектов, а также позволяющей при необходимости оперативно изменять логику этой обработки по мере изменения состава и возможностей сенсоров, получения новых знаний о контролируемой группировке и т.п.

При этом наиболее проблематичным вопросом практического воплощения этой концепции является именно создание упомянутой распределенной программной среды. До тех пор пока такой среды не будет, говорить о полноценной реализации «сетевцентричности» заведомо преждевременно.

Много спорят о положительных и отрицательных сторонах концепции «сетевцентричной» войны и в самих Соединённых Штатах. Одни авторы находят «семь смертных грехов сетевой войны», другие же развенчивают «одиннадцать мифов о «сетевцентричной» войне». [2, 9]. Так, еще в 2002 году в одном из исследований, проведенном специалистами известной корпорации RAND по заказу американских военных, говорилось следующее: «Вполне вероятно, что в будущем противник сможет создать технику или разработать методику для осуществления активного и эффективного противодействия нашим высокотехнологичным разведывательным системам, что позволит его войскам действовать более скрытно, успешно ведя при этом радиоэлектронную войну. Принимая данное обстоятельство во внимание, можно предположить, что эффект от «сетевцентризма» в действительности может оказаться не столь положительным, сколь отрицательным и вполне реально может привести к снижению «уровня знаний и компетенций» и к дезориентации командиров на поле боя».

Поэтому ряд специалистов видит в широко разрекламированном процессе обсуждения концепции «сетевцентричной» войны политический дискурс для оправдания войны, который позволит США продолжать доминировать на международной арене [8, 11, 12].

Одним из главных препятствий на путях создания систем «сетевцентрического» управления вооружёнными силами на современном этапе, в том числе и в армии США, остается крайняя разнородность аппаратных и системных платформ, глобально распределенных данных, программ, процессов их обработки и представления, а также систем связи и управления, что не позволяет организовать межсистемный информационный обмен в реальном масштабе времени и тем самым создать то еди-

ное информационное пространство, о котором так много говорится и пишется.

Анализ боевых действий, которые вели США в течение последних 15 лет, показывает, что концепция «сетевцентрической» войны хороша в военных конфликтах малой и средней интенсивности, когда действия ведут сильный и слабый партнёры. При этом тыл сильного партнёра в отличие от слабого не подвергается никаким разрушающим воздействиям, а средствам разведки, системам связи и управления не оказывается никакого серьёзного противодействия. Хороша данная концепция и для блицкрига, по типу того, что «случился» у США при вторжении в Ирак в 2003 г. [14-17].

Но даже несмотря на видимые успехи, достигнутые в ходе агрессии против Ирака, многие военные специалисты критически оценивают практику применения концепции «сетевцентрической» войны. В частности, один из американских генералов так охарактеризовал опыт применения данной концепции в ходе боевых действий в Ираке: «Компьютеры и тому подобные «сетевцентрические» штучки хороши на учениях и в войне со слабым противником. Они дают командирам прекрасные картинки и много информации. Но когда в окопах раздается команда «Примкнуть штыки!» – наступает время выключать мониторы и браться за винтовки» [8]. Такие не очень радужные выводы представитель Пентагона сделал после того, как в ходе разбора операции «Свобода Ираку» выяснилось следующее: в то время как штаб коалиционных сил, находившийся в Кувейте, имел более-менее полную оперативную картину текущего дня, на передовой большинство командиров таковую не имели.

Замедление прохождения информации о противнике сверху вниз, по оценкам американских военных, чрезвычайно негативно сказывалось на оперативности принятия командирами подразделений и частей решений. «Для того чтобы получить свежие разведанные, нам приходилось останавливать свое движение вперед и с головой погружаться в массивные базы данных», - вспоминал позже один из участников боевых действий [8].

Невольно приходится согласиться со словами отставного американского генерала Роберта Скейлза: «Идея «сетевцентрической» войны, подразумевающая, что «туман войны» будет рассеян за счет работы созданного в небесах гигантского технологического всевидящего ока стратегического значения, на поверку дня оказалась провалом, обошедшимся бюджету в сотни миллиардов потраченных зря долларов» [11].

Значимость подобных оценок со стороны представителей Пентагона весьма ещё и потому, что к началу

реализации концепции «сетевидной» войны в начале XXI века система управления ВС США с середины 80-х годов XX века прошла довольно длительный эволюционный путь от системы вида C² (Command and Control) – командования и оперативного управления – через систему вида C⁴ISR (Command, Control, Communications, Computers, Intelligence, Surveillance and Reconnaissance) – командования, оперативного управления, связи, компьютеризации, разведки, наблюдения и распознавания – к системе JC² (Joint Command and Control) – объединённой системе командования и оперативного управления, идущей на замену глобальной системе оперативного управления ВС США – GCCS [2].

Что же говорить о системе управления ВС РФ, когда наиболее современную на настоящее время единую систему управления тактического звена (ЕСУ ТЗ) зарубежные специалисты по уровню интеграции оценивают не иначе как C²-систему [11], то есть систему командования и оперативного управления (без всяких увязок с системами поддержки принятия решений, моделирования боевых действий, разведки и предупреждения), с которой свой путь к «сетевидности» с конца XX века начала Армия США?

Тем не менее в когнитивную и аффективную компоненты российской целевой аудитории восприятия (куда входят и основные базовые элементы системы принятия военно-политических решений) активно вводится положение о том, что будущие войны будут, как правило, «сетевидными», «дистанционными» и «бесконтактными» с использованием в основном неядерных высокоточных средств поражения. И если такой взгляд на войны будущего у нас превратится в поведенческий архетип, то, разумеется, так оно скорей всего и будет. Мы будем готовиться к войне, в которой у нас, очевидно, на краткосрочную и среднесрочную перспективу просто нет шансов на победу (так называемое запрограммированное поражение) [21].

Но если мы зададимся вопросом: «А, собственно, почему война в будущем должна быть именно такой?» и в качестве «асимметричного ответа» любому агрессору будем готовить контактную войну с применением всего арсенала средств направленного воздействия, которым мы можем обладать, то и характер такой будущей войны будет уже другой и её финал будет заранее непредсказуем!

Поэтому как себя поведёт концепция «сетевидной» войны при столкновении сильных армий, имеющих богатый исторический опыт крупных войн и кровопролитных сражений, сказать сложно, ведь ещё Редьярд Киплинг, большой знаток военного дела, в своей

знаменитой «Балладе о Востоке и Западе» тонко уловил особенность борьбы равных по силе, но разных по сути соперников:

«Но нет Востока, и Запада нет; что племя,
родина, род,
Если сильный с сильным лицом к лицу
у края земли встанет?»

В этом случае отстают в сторону все национальные и социально-экономические особенности «воевания» и начинают действовать объективные законы войны [26, 36]. При этом каждая из противостоящих сторон использует наиболее подходящие с её точки зрения вооружение и военную технику.

Как у США и НАТО, так и у России, и у Китая, и у Индии есть системы космической разведки, радиоэлектронного подавления, есть высокоточное оружие, в том числе и дальнего действия. Достаточно много у ведущих мировых держав и разнообразных боевых платформ разных поколений – танков, самолетов, кораблей различного класса, зенитно-ракетных комплексов ПВО, другого вооружения и военной техники.

Каждая из ведущих стран может заранее обнаружить вблизи своих границ или границ союзников сосредоточение сил и средств противника [22]. На недружественные действия может последовать превентивный ответ – демонстрационные действия, в том числе по нарушению функционирования средств разведки, систем связи и управления. В ответ на неприкрытую агрессию могут последовать асимметричные и даже неконвенционные меры. В частности, в действующей Военной доктрине России прямо говорится, что «Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против РФ с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства» [30].

Как может реагировать на агрессию высокотехнологичной армии страна, не достигшая такого же технологического уклада, показал ход боевых действий армии США в Афганистане и Ираке. Потерпев поражение в приграничных сражениях, потеряв столицу страны, армия Саддама Хусейна тем не менее сумела нанести войскам коалиции ряд ощутимых потерь, а в настоящее время довольно успешно ведёт диверсионно-партизанские действия, принуждая фактически США вывести регулярную армию и оставить страну на откуп так называемым «частным военным компаниям».

Не зря говорится, что «американцы выиграли мно-

го битв, но не выиграли ни одной войны».

Что касается непосредственно Российской армии, то, «примеривая» на свои вооруженные силы иноземный кафтан «сетевидной» войны, необходимо учитывать действующие положения руководящих документов в области обороны и безопасности, в первую очередь Военную доктрину Российской Федерации, внешнеполитический курс страны, проводимый её руководством. Следует иметь в виду, что «задачи вооруженных сил США и нашей армии радикально не совпадают. США и их союзники по НАТО на протяжении десятилетий ведут, как правило, наступательные военные действия за пределами своей территории, всегда обладают инициативой в развязывании войны, воюют со слабым противником. Поэтому их опыт нетипичен для нас. Нам, прежде всего, надо обеспечить защиту своей территории и поэтому в начале войны придется вести оборонительные действия против более сильного, принципиально разного на каждом ТВД противника» [20].

Исходя из этого, с целью появления возможностей, да и самих предпосылок реализации «сетевидной» концепции, в Российской армии необходимо решать комплексную задачу не только в рамках Вооруженных сил, но и страны в целом. Для этого должна быть разработана специальная экономическая стратегия (по типу «атомного» проекта или программы освоения космоса), в которой будут предусмотрены и поиск новых технологических решений с привлечением организаций РАН, и перевод оборонно-промышленного комплекса на инновационный путь развития, и подготовка для ОПК квалифицированных рабочих и инженерных кадров.

В рамках самих Вооруженных сил России целесообразно активизировать работы по созданию действительно объединенных органов управления, разработке современных алгоритмов их работы при решении различных боевых задач, формированию перечня систем и средств, которые планируется связать в сети на разных уровнях управления с обоснованием почему и, самое главное, для чего это нужно. С привлечением специалистов Академии военных наук, структурных подразделений военно-учебных заведений и научно-исследовательских организаций Минобороны необходима разработка новых форм и способов применения группировок войск в различных условиях обстановки, уточнение боевых документов, уставов и наставлений, отработка в ходе учений и тренировок полученных нарабо-

ток. Необходимо более активно внедрять информационные технологии в повседневную деятельность Российской армии.

И самое главное, при подготовке кадров для будущих ВС РФ необходимо широкое практическое обучение личного состава армии, авиации и флота работе с современными аппаратными и программными средствами, ориентированными, в том числе и на «сетевидизм». Последний фактор применительно к переходу армии на новые способы и методы руководства войсками является немаловажным, ибо, как остроумно заметил английский военный историк Б. Лиддел-Гарт: «Единственная вещь, которая ещё сложнее, чем привить новую идею уму военного, - это вытравить старую идею».

В заключение хочется подчеркнуть следующее.

Как теоретическая конструкция концепция «сетевидной» войны находится ещё довольно далеко от практических реалий и природы войны. Сами авторы концепции «сетевидной» войны отмечают, что она «не является революцией в военном деле, которая изменяет саму сущность войны, скорее – это множитель силы, который мог бы позволить государственному военному аппарату бороться эффективнее при условии, что военная доктрина и вооружённые силы выстроены в соответствии с оценкой угрозы» [9].

Пока что этот «множитель силы» остаётся слишком эфемерным, но очень затратным. Тем не менее «сетевидизм» как таковой предполагает изменение мировоззрения военного руководства всех уровней на управление подчиненными формированиями в различных условиях современной обстановки; создание унифицированных АСУ войсками и оружием, функционирующих в едином информационном пространстве; разработку современных технических средств наблюдения и разведки, которые и будут наполнять информацией телекоммуникационные сети систем управления; разработку и принятие на вооружение в достаточном количестве высокоточного оружия, которому такая информация собственно и нужна, а также боевых платформ для размещения средств поражения живой силы и техники на земле, море, в воздухе и космосе.

Только в этом случае концепция «сетевидной» войны не станет для Российских вооруженных сил очередной ментальной ловушкой, а действительно превратится в «множитель силы». И в этом, на наш взгляд, её главная заслуга.

Литература

1. Корчмит-Матюшов В.И. «Теория войн». - М.:БФРГТЗ «Слово», 2001.
2. Паршин С.А., Горбачёв Ю.Е., Кожанов Ю.А. «Современные тенденции развития теории и практики управления в вооружённых си-

- лах США». – М.: «ЛЕНАНД», 2009. – 272 с.
3. «Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера / русский военный сборник № 21». – М.: «Военный университет», «Русский путь», 2005.
4. Слипченко В.И. «Войны нового поколения: дистанционные и бесконтактные», М., «ОЛМА-ПРЕСС образование», 2004г.
5. Гареев МА, Слипченко В.И. «Будущая война», М., «ОПИ», 2005г.
6. Требин М.П. «Войны XXI века», М., «АСТ», 2005г.
7. Ван Кревелд М. «Трансформация войны», М., ИРИСЭН, 2005г.
8. «Сетецентрическая война. Дайджест по материалам открытых изданий и СМИ». – М. ВАГШ ВС РФ, 2010.
9. Савин Л.В. «Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию». – М.: «Евразийское движение», 2011. – 130 с.
10. «Сетевые войны: угроза нового поколения». Сборник докладов участников конференции «Сетевые войны». – М.: «Евразийское движение», 2009.
11. Кондратьев А. «Сетецентрический фронт. Боевые действия в едином информационном пространстве». Статья в журнале «Национальная оборона» № 2 / 2011г.
12. Шеремет И.А. «Концепция «сетецентричной войны» и особенности её практической реализации» Статья в газете НВО от 11 ноября 2005г. http://ivo.ngri/concepts/2005-11-11/4_computers.html.
13. Смит Д., Кобрин М., Хеллман К. «Новые вооружённые силы. Стратегия безопасности в XXI веке». Центр оборонной информации – М.: «Гендальф», 2002. - 87 с.
14. Барышев А.П. «Современная стратегия США и НАТО (в контексте проблем национальной безопасности России)». – М.: ОПИ, 2011.
15. Валецкий О.В. «Новая стратегия США и НАТО в войнах в Югославии, Ираке, Афганистане и её влияние на развитие зарубежных систем вооружения и боеприпасов». – М.: «Арктика 4Д», 2008.
16. Карякин В.В. «Военная политика и стратегия США в геополитической динамике современного мира: монография». – М.: «Граница», 2011.
17. «Информационные, специальные, воздушно-десантные и аэромобильные операции армий ведущих зарубежных государств: информационно-аналитический сборник / АН. Сидорин, ИА. Рябченко, В.П. Герасимов и др.». – М.: Воениздат, 2011.
18. «Военная сила в международных отношениях: учебное пособие / коллектив авторов; под общ. ред. В.И. Анненкова». – М.: КНО-РУС, 2011.
19. Добренчиков В.И., Агапов П.В. «Война и безопасность России в XXI веке». – М.: «Академический проект», «Альма Матер», 2011.
20. Ружкин А. С. «Некоторые итоги реформы Вооруженных сил». Статья в газете «Военно-промышленный курьер» № 45 (462) от 14 ноября 2012г.
21. Ковалёв В.И. «Проблема управления процессами модернизации в военной сфере в условиях неопределённости представлений о военных конфликтах будущего». Статья в журнале АВН «Информационные войны» №4 (24) за 2012г.
22. Храпчихин А.А. «Удар по России: миф или реальность?». Статья в журнале «Национальная оборона» № 5 за 2011г.
23. Ковалёв В.И., Матвиенко Ю.А. «Является ли концепция «сетецентрическая» война новой парадигмой вооружённой борьбы?». Статья в журнале АВН «Информационные войны» №1 (25) за 2013г.
24. Затуливетер Ю., Семёнов С. «Ориентир – достаточная оборона. Помимо ядерного зонтика Россия может обезопасить себя мерами сетецентрического противодействия». Статья в журнале «Национальная оборона» № 11 за 2012г.
25. Савин Л.В. «От шерифа до террориста. Очерки о геополитике США». – М.: «Евразийское Движение», 2012. – 254 с.
26. «Военный энциклопедический словарь / Пред. Гл. ред. комиссии Н.В. Огарков». – М.: «Воениздат», 1983. – 863 с.
27. «Война и мир в терминах и определениях. Словарь под общей редакцией Д.О. Rogozina». – М.: ИД «Порог», 2004. 624 с.
28. «Управление войсками / Авт.-сост. Ю.Б. Рипенко». – М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2006. – 512 с.
29. Ивлев А.А. «Основы теории Бойда. Направления развития, применения и реализации (Монография)». – М., 2008. – 64 с.
30. «Военная доктрина Российской Федерации». Утверждена Указом Президента Российской Федерации 5 февраля 2010 года.
31. Национальная военная стратегия Соединённых Штатов Америки – 2011. Перевод, М.: 2011.
32. Галенович Ю.М. «Китайские сюжеты: чем доволен и недоволен Китай». – М.: «Восточная книга», 2010.
33. Богорад Е. «Искусство войны-2. Китайские военные стратеги о методах ведения боевых действий в новом тысячелетии». Статья в журнале «Популярная механика» № 9 за 2003г.
34. Путин В.В. «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня», статья в газете «Известия» от 4 октября 2011г.
35. Эндгаль Уильям Ф. «Полный спектр доминирования: тоталитарная демократия в Новом мировом порядке». – СПб.: «Геликон плюс», 2010.
36. Тюшкевич С.А. «Законы войны: сущность, механизм действия, факторы использования». – М.: «Книга и бизнес», 2002. – 360 с.
37. Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США». – М.: «Европа», 2009. – 188 с.

Материал поступил в редакцию 12. 08. 2013 г.